

София Лопушанская

Соотношение понятий "стереотипность", "концептуальное ядро" и "концептосфера" в языкознании

Studia Rossica Posnaniensia 30, 79-85

2002

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЙ *СТЕРЕОТИПНОСТЬ*, *КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ЯДРО И КОНЦЕПТОСФЕРА* В ЯЗЫКОЗНАНИИ

CORRELATION OF CONCEPTS: *STEREOTYPY*, *CONCEPTUAL KERNEL AND SPHERE OF CONCEPT* IN LINGUISTICS

СОФИЯ ЛОПУШАНСКАЯ

ABSTRACT. In the article the notion of stereotype is considered as a basic indication of a particular concept. It makes up a meaning *dominanta* of a concept and creates its conceptual kernel. A concept is realized with the confines of a particular conceptual sphere of a language. The notions mentioned above make up the three basic cognitive-communicative elements of a paradigm which allows to explain the peculiarities of semantic transformations of language units in a text.

София Лопушанская, Волгоградский государственный университет, Научно-исследовательский институт русского языка, ул. 2-я Продольная 30, 400062 Волгоград – Россия.

1. В последнее время в лингвистической литературе широко употребляемым стало словосочетание „смена научной парадигмы”. При этом понятие парадигмы не во всех публикациях уточняется. Считаем целесообразным напомнить определение этого термина, которое было сформулировано еще в 1977 году: „Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений”¹. Очевидно, смена такой парадигмы в качестве „модели” вполне возможна.

Однако по отношению к научным теориям, методам исследования, основополагающим положениям в области гуманитарных наук, при изучении развития определенной системы научного знания, по-видимому, более корректно было бы говорить не о смене научной парадигмы, а о смене научной доминанты, как мы уже писали об этом². В данном контексте имеется в виду преемственность, освоение и переосмысление компонентов предшествующих систем научного знания, их обогащение новым материалом, совершенство-

¹ Т. К у н. *Структура научных революций*, Москва 1977, с. 11.

² С.П. Л о п у ш а н с к а я, *Семантическая модуляция как речемыслительный процесс*, „Вестник Волгоградского государственного университета”, серия 2, „Филология” 1996, вып. 1, с. 6–13.

вание приемов и методов его анализа. *Смену научной доминанты* мы предлагаем рассматривать как приобретение *методологической значимости* одной или несколькими составляющими, которые, будучи релевантными и для предшествующих теорий, не являлись доминирующими.

С этих позиций когнитивная лингвистика как самостоятельное научное направление рассматривается нами не в противопоставленности лингвистике традиционной, а в закономерном освоении и обобщении результатов развития, в частности, русистики от А.А. Потебни до наших дней.

Если исходить из того, что смысловой доминантой языкового сознания является воспроизводимое в процессе коммуникации восприятие человеком окружающего мира, отношение мыслящей личности к явлениям материальной и духовной жизни общества, представление субъекта о своем месте во Вселенной, о самом себе³, то изменение названной доминанты закономерно будет сопряжено с изменениями речемыслительной деятельности. В связи с этим любые теоретические построения и их терминологическое оснащение в аспекте новой научной доминанты могут стать продуктивными только тогда, когда они базируются на комплексном „миропонимании изучаемой эпохи” (по словам акад. В.В. Виноградова) и мыслящей личности, чье миропонимание в процессе речемыслительной деятельности находит опосредованное отражение в языке.

Достижения структурной и функциональной грамматики, системоцентрической и антропоцентрической лингвистики, успехи теории речевых актов, интенсивное развитие семасиологии и разработка приемов компонентного анализа сначала в лексикологии и лексикографии, а затем применительно к явлениям других языковых уровней – все это сделало возможным изучение речемыслительных вариантов в качестве классифицирующих факторов, что дает новый импульс к обогащению и развитию современной науки о языке.

2. Проблематика конференции, проводимой в Познани, чрезвычайно интересна в том отношении, что в центре внимания русистов оказались наиболее спорные вопросы современной лингвистики. Такое ключевое понятие, как концептосфера, отсутствующее в очень ценном *Кратком словаре когнитивных терминов*, вышедшем в свет в 1996 году⁴, несомненно требует серьезного обсуждения. Считаю уместным напомнить о том, что этот термин был введен академиком Д.С. Лихачевым в 1992 году в докладе, прочитанном в Институте мировой литературы Российской Академии наук, а затем в одноименной статье, опубликованной в 1993 г.⁵ В связи с тем, что термин был введен „по типу

³ См.: С.П. Лопушанская, *Смысловая доминанта древнего славянского текста*. В: ее же, *Развитие и функционирование древнерусского глагола*, ч. II, § 2, Волгоград 1990, с. 87–94.

⁴ Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина, *Краткий словарь когнитивных терминов*, ред. Е.С. Кубрякова, Москва 1996.

⁵ Д.С. Лихачев, *Концептосфера русского языка*, „Известия Академии наук. Серия литературы и языка” 1993, т. 52, № 1, с. 3–9.

терминов В.И. Вернадского: ноосфера, биосфера и пр.”⁶, в статье не дается дефиниция описываемого понятия, а рассматривается заместительная функция концепта и особенности концептосферы русского языка, а именно, национальный язык в потенции – как бы „заместитель” русской культуры⁷.

Релевантными признаками понятия *концептосфера* Д.С. Лихачев считает следующие: „В совокупности потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом, мы можем называть концептосферами”⁸. Ученый выделяет в словарном запасе языка четыре уровня: 1) сам словарный запас; 2) значения словарного типа; 3) „концепты – некоторые подстановки значений, скрытые в тексте «заместители», некие «потенции» значений, облегчающие общение и тесно связанные с человеком и его национальным, культурным, профессиональным, возрастным и прочим опытом; 4) концепты отдельных значений слов, которые зависят друг от друга, составляют некие целостности и которые мы определяем как концептосферу”⁹. Говоря о богатстве русского языка, Д.С. Лихачев подчеркивает, что „главное богатство словаря русского языка лежит на уровне концептов и концептосферы”¹⁰. По его мнению, „совсем мало стабилен, чрезвычайно изменчив слой концептов, ибо он крайне зависим от носителя языка. [...] Вместе с тем концепты составляют очень разнообразные сферы, в совокупности создающие концептосферы национального языка”¹¹.

3. Мы подробно изложили мнение русиста номер один, так как мысли Д.С. Лихачева могут послужить отправной точкой для рассмотрения вопроса о соотношении понятий *стереотипность*, *концептуальное ядро* и *концептосфера*.

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на то, что содержание этих понятий в научной литературе устанавливается неоднозначно. Подтверждением этого могут быть докторские диссертации, монографии, курсы вузовских лекций, статьи, специальные словари и т. д. Обзор только новой литературы занял бы целое заседание. Очевидно, в задачи конференции входит обмен различными мнениями и аргументированием их в рамках основной проблемы „Стереотипность как концептосфера в русском языкознании”.

Принимая определение *стереотипности* в лингвистическом аспекте как выражение минимальной языковой компетенции, характеризующейся знанием обязательных характеристик некоторого конкретного стереотипа¹², считаем, что именно это свойство слова (словосочетания) обеспечивает набор наиболее

⁶ Там же, с. 9.

⁷ Там же, с. 6.

⁸ Там же, с. 5.

⁹ Там же, с. 6.

¹⁰ Там же, с. 8.

¹¹ Там же.

¹² См.: В.З. Демьянков, *Стереотип*. В: Е.С. Кубрякова и др., *Краткий словарь когнитивных...*, указ. соч., с. 178.

значимых признаков определенного концепта, его *концептуальное ядро*, отличающее обозначаемое явление от других подобных. Стереотипность является стержневым маркером, показателем выраженности того или иного концепта в процессе мыслительной деятельности, направленной на преобразование внутренней речи во внешнюю.

В данном случае мы имеем в виду различия между внутренней и внешней речью, важность которых подчеркивал Л.С. Выготский в своей монографии *Мышление и речь*¹³. Внутренняя речь, по мнению исследователя, „есть особый вид речевой деятельности”, это речь для себя (с. 316), основной и единственной формой которой является предикативность (с. 333, 341, 346, 353). Чистая, абсолютная предикативность и редуцирование фонетических моментов речи (с. 345) составляют два источника, „откуда истекает сокращенность внутренней речи” (с. 346). Третий источник состоит в совершенно своеобразном семантическом строе внутренней речи, для которого характерно „преобладание смысла слова над его значением” (с. 346). „Смысл слова никогда не является полным. В конечном счете он упирается в понимание мира и во внутреннее строение личности в целом” (с. 347). Этот третий источник представляется существенно важным при рассмотрении протекания речемыслительных процессов, ведущих к преобразованию внутренней речи во внешнюю. Если так называемую *внутреннюю речь* характеризует семантическое единство, образная синкретическая целостность, выражаемая и конкретизируемая в пропозиции на основе многочисленных отношений, отсутствие ориентации на слушателя, отсутствие указаний на временную последовательность событий, – то эти принципиально важные особенности можно соотнести с *концептом*, смысловую доминанту которого составляет *стереотипность*. Именно она обеспечивает преобразование внутренней речи во внешнюю, для которой характерны ориентация на слушателя, наличие обязательных указаний на временную последовательность событий, семантическая и формальная расчлененность, выражаемая и конкретизируемая в предложении в зависимости от национально-культурного контекста, речевой ситуации, от эмоционально-оценочного фона, который осознается именно данным этносом и др. В результате концепт реализуется в структурированной речи как часть концептосферы языка.

Это сложное преобразование внутренней речи во внешнюю в реальном общении сопряжено, как это все отмечают, с информативной функцией языка, с передачей знаний путем отбора соответствующих языковых единиц, имеющих разную степень семиотической глубины. Названная нами цепь взаимосвязанных речемыслительных процессов – от формирования концепта как пучка, сцепления признаков во внутренней речи, до реализации его смысловой доминанты, то есть стереотипности, как части концептосферы языка во

¹³ Л.С. Выготский, *Мышление и речь*. В: его же, *Собрание сочинений в 6-ти томах*, т. 2, Москва 1982. При изложении страницы издания указаны в скобках.

внешней речи – осуществляется, по нашему убеждению, по закону семантической модуляции¹⁴.

4. Необходимость сопоставления значения слова в системе языка и в определенном контексте была высказана еще в трудах А.А. Потебни, который обратил внимание на различия между „ближайшим и дальнейшим значением“¹⁵. В рассуждениях ученого речь не идет о разграничении лексического и грамматического в слове, а напротив, о единстве представления и звуковой (формальной) выраженности его в слове как речевой единице в отличие от понятия как феномена мыслительной деятельности. Читая работы Потебни, написанные в последней четверти XIX века, мы убеждаемся, что уже тогда было раскрыто содержание термина „концепт“, обобщающего смыслы слова в комплексе всех (или почти всех) его „ближайших значений“, то есть контекстуально обусловленных.

В речемыслительные процессы включаются любые разноуровневые единицы данного языка, которые в акте коммуникации или текстообразования обнаруживают способность выражать соотнесенность между семантическими компонентами внутренней речи (координатными значениями) и смысловыми приращениями, обусловленными особенностями внешней речи (контекстуальными, ситуативными значениями). В связи с этим сложная динамическая трансформация – превращение предикативной и идиоматической речи в синтаксически расчлененную и понятную для других – может быть эксплицирована, как мы считаем, в виде семантических изменений двух типов – *модуляции* и *деривации*¹⁶.

Семантическая модуляция – это универсальный речемыслительный процесс, объединяющий разноуровневые средства данного языка в ряды речевых соответствий для реализации семантико-смысловой соотнесенности компонентов содержательной структуры слов, словоформ, морфем, словосочетаний, предложений, текста. Модуляция – это перенос значения, результаты которого обнаруживаются при сопоставлении компонентов семантической структуры слова, сложившейся в системе языка, со смыслом словоформы, функционирующей в тексте, в частности, в высказывании, равном предложению.

¹⁴ С.П. Л о п у ш а н с к а я, *Термин „семантическая модуляция“ в метаязыке словообразования*. В: *Терминоведение. Terminologie. Recherches et études*, Москва 1994, вып. 1, с. 140–144; ее же, *Русское слово в системе языка и в тексте А.С. Пушкина*. В: *Изучение и преподавание русского слова от Пушкина до наших дней. Материалы конференций и семинаров*, Волгоград 1999, с. 19–26.

¹⁵ А.А. П о т е б н я, *Из записок по русской грамматике*, т. I–II, Москва 1958, с. 19.

¹⁶ С.П. Л о п у ш а н с к а я, *Изменение семантической структуры русских бесприставочных глаголов движения в процессе модуляции*. В: *Русский глагол (в сопоставительном освещении)*, Волгоград 1988, с. 3–19; ее же, *Классифицирующая функция лингвистического термина „модуляция“ в научном тексте*. В: *Лингвистическая терминология в советском языкознании*, Нижний Новгород 1991, с. 55–56.

В связи с тем, что функционирующая словоформа реализуется одновременно во многих отношениях, последовательность выражения смысловой структуры слова и ее изменений зависит от согласованности либо несогласованности системообразующих, контекстуальных и конситуативных смыслов. В процессе взаимодействия разноуровневых явлений коррелятивные связи между семантическими признаками, характерными для каждого языкового уровня, могут оказаться несоотносительными, вследствие чего в семантической структуре слова происходит перегруппировка признаков, отражающая различные, даже противоположные тенденции.

Сопоставление данных современных толковых словарей¹⁷ со *Словарем языка Пушкина*¹⁸ дает основание утверждать, что в произведениях А.С. Пушкина¹⁹ находят выражение семантические изменения как модуляционного, так и деривационного характера, например, слово *когда* с древних времен могло употребляться, во-первых, как наречие времени со значением „в какое время состоится (или не состоится) названное событие”: *А я должен хлопотать о приданом да о свадьбе, которую сыграем Бог весть когда* (Пушкин, *Письмо П.А. Плетневу*, 31 авг. 1830).

Во-вторых, это же слово могло быть использовано как неопределенное наречие со значением „когда-нибудь, когда-либо”: *Слышал ли ты когда, Чтоб мертвые из гроба выходили Допрашивать царей?* (Пушкин, *Борис Годунов*).

В-третьих, в качестве относительного наречия это слово употребляется в значении „в какое (время)”, „в какую (пору)”, „в какой (час, год и т. д.)”: *И в молчаливом кабинете Ему припомнилась пора, Когда жестокая хандра За ним гналася в шумном свете* (Пушкин, *Евгений Онегин*). Здесь и в следующем случае наречие *когда* связывает придаточное предложение с главным: *Никто не знал, когда и как Она сокрылась* (Пушкин, *Полтава*).

В-четвертых, слово *когда* в качестве союза может выражать одновременность действий главного и придаточного предложений, их последовательность или повторяемость, например: [Князь:] *Я печален? Тебе так показалось – нет, я весел Всегда, когда тебя лишь вижу* (Пушкин, *Русалка*).

Все отмеченные функционально-семантические различия носят модуляционный характер, ибо слово *когда* сохраняет стереотипность как смысловую доминанту концепта ‘время состоявшегося или несостоявшегося события’, которая реализуется в приведенных контекстах А.С. Пушкина в рамках концептосферы русского языка „пространство и время”.

Особое использование союза *когда* в значении „если”, начинающего собой условное придаточное предложение, отмечено в современных словарях

¹⁷ *Словарь современного русского литературного языка в 17-ти томах*, Москва–Ленинград 1950–1965.

¹⁸ *Словарь языка Пушкина в 4 томах*, Москва 1956–1961.

¹⁹ Цит по изд.: А.С. П у ш к и н, *Полное собрание сочинений в 19-ти томах*, Москва 1994–1999.

как „разговорное“. Но именно это словоупотребление весьма древнее. В поэзии Пушкина и это значение представлено: [Орлик:] *Старик, оставь пустые бредни... Шутить не время. Дай ответ. Когда не хочешь пытки новой* (Пушкин, *Полтава*). В данном контексте слово *когда* выражает иную стереотипность как смысловую доминанту другого концепта ‘возможность/невозможность осуществления действия’. Данная стереотипность нового концепта реализуется в рамках концептосферы русского языка „реальная/ирреальная модальность“. Такие изменения мы считаем фактом семантической деривации.

Наряду с последовательным разграничением в русском языке явлений модуляционного и деривационного характера, возможное прочтение слова *когда* как условного союза в начале романа *Евгений Онегин* Пушкина вызывает у исследователей различные толкования.

Как же понимать начало *Евгения Онегина*, где сразу же речь идет не о самом герое романа, а повествуется о его дяде, который *Когда не в шутку занемог, Он уважать себя заставил*? Выбор одного из двух возможных смыслов затруднителен: [1] заставил уважать себя лишь *тогда, когда* не в шутку занемог; [2] *когда* (если) не в шутку занемог и оставит наследство, то, по мнению племянника, он достоин уважения.

Таким образом, понятия *стереотипность*, *концептуальное ядро* и *концептосфера* в русском языкознании составляют три основных элемента когнитивно-коммуникативной парадигмы, описание которой носит объяснительный характер, позволяя раскрыть особенности семантико-смысловых трансформаций единиц языка в тексте (в речи).